

DOI: 10.22363/2312-9220-2021-26-3-451-456

УДК 821.161.1

Научная статья / Research article

Проблема свободы и своеволия: интерпретация образа Аркадия Свидригайлова

Ч.А. Горбачевский

*Южно-Уральский государственный университет,
Российская Федерация, 454080, Челябинск, просп. Ленина, д. 76*

✉ cheslavgor@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается проблема соотношения свободы и своеволия на примере одного из героев романа Достоевского «Преступление и наказание». Внимание акцентируется не только на каноническом тексте романа, но и на подготовительных материалах к нему. Ставится задача выявить связь названной проблемы с проблемой самоубийства Аркадия Свидригайлова. Выдвигается тезис о том, что для героев Достоевского своеволие часто становится рабством у собственной природы и собственных страстей. С помощью разврата Свидригайлов пытается самоутвердиться, отдавая свою душу «на откуп» своеволию. Есть определённая закономерность в том, что такую мировоззренческую логическую цепочку завершает трагический акт самоубийства. Аркадий Иванович обожает комфорт, и поэтому в соответствии с его же логикой не случившееся его убийство Дуней, может рассматриваться в том числе и как попытка комфортного способа самоубийства. В подготовительных материалах к роману Свидригайлов протестует против трусливой подлости и ставит самоубийство выше подобного унижительного состояния, хотя и понимает всю ущербность своего положения. При всех сложностях проблемы свободы и своеволия – одной из лейтмотивных религиозно-философских проблем творчества писателя – Достоевский не видит ее формального, внешнего разрешения.

Ключевые слова: свобода, своеволие, стихия, самоубийство, Свидригайлов

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления в редакцию – 18 марта 2021 г.; дата принятия к печати – 24 марта 2021 г.

Для цитирования: Горбачевский Ч.А. Проблема свободы и своеволия: интерпретация образа Аркадия Свидригайлова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 3. С. 451–456. doi: 10.22363/2312-9220-2021-26-3-451-456

The Problem of Positive and Destructive Freedom: The Interpretation of the Arkady Svidrigailov Image

Cheslav A. Gorbachevsky

South Ural State University,
76 Lenina St, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation
✉ cheslavgor@gmail.com

Abstract. This article examines the problem of the relationship between freedom and self-will on the example of one of the heroes of Dostoevsky's novel *Crime and Punishment*. Attention is focused not only on the canonical text of the novel, but also on the preparatory materials for it. The task is to identify the connection between the above named problem and the suicide problem of Arkady Ivanovich Svidrigailov. The thesis is put forward that for Dostoevsky's heroes, self-will often becomes a fetter for their own nature and their own passions. With the help of debauchery, Svidrigailov tries to assert himself, giving his soul to the mercy of willfulness. There is a certain pattern in the fact that such a worldview logical chain ends with the tragic act of suicide. Arkady Ivanovich adores comfort, and therefore, in accordance with his own logic, his murder by Dunya, which did not happen, can be considered, among other things, as an attempt of a comfortable method of suicide. In the preparatory materials for the novel, Svidrigailov protests against cowardly meanness and puts suicide above such a humiliating state, although he understands the entire flaw in such a situation. For all the complexities the problem of freedom and self-will – one of the leitmotifs of religious and philosophical themes in the writer's work – Dostoevsky does not see its formal, external solution.

Keywords: freedom, destructive freedom, elements, suicide, Svidrigailov

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: received: March 18, 2021; accepted: March 24, 2021.

For citation: Gorbachevsky, Ch.A. (2021). The problem of positive and destructive freedom: The interpretation of the Arkady Svidrigailov image. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(3), 451–456. (In Russ.) doi: 10.22363/2312-9220-2021-26-3-451-456

В «Преступлении и наказании» представлен один значительнейших, а вместе с тем сложных и противоречивых персонажей художественного мира Достоевского – образ сладострастного развратника, для которого разврат не является конечной целью. Между тем то упоение свободой (истинная цель Аркадия Ивановича Свидригайлова), к которому он стремится, его желание перешагнуть нравственные законы и посредством этого доказать свою значительность – всё это находится недалеко от «проповедуемого» им сладострастия. В некоторой степени Свидригайлов как бы живет по завету Ф. Ницше, утверждавшего, что «сладострастие: для свободных сердец нечто невинное и свободное, счастье сада земного, избыток благодарности и всякого будущего настоящему» [1. Т. 2. С. 135]. Правда, Ницше пытается как-то огородить «свои мысли и даже свои слова – чтобы не вторглись в сады мои свиньи и гуляки!» [1. Т. 2. С. 136].

Н. Бердяев в сладострастии видел двойственность и писал в одной из своих статей, посвященных творчеству Достоевского: «Сладострастие, сохраняющее цельность, внутренне оправдано, оно входит в любовь как ее неустрашимый элемент. Но сладострастие раздвоенное есть разврат, в нем раскрывается идеал Содомский» [2. С. 168]. Обращаясь к заглавному персонажу нашей статьи, отметим уже известное – он весьма далек от какой бы то ни было цельности и любви, декларируемой русским философом. Для Свидригайлова сладострастие – своеобразная стихия, зовущая к небытию. Так, добываясь благосклонности Авдотьи Романовны, он получает отказ и моментально теряет всякий смысл и желание жить. Как писала Н. Мандельштам о свободе и своеволии в XX веке: «Своеволец, услышав от женщины “нет”, способен пустить себе пулю в лоб...» [3. С. 205]. После такого отказа герой Достоевского задумывает самоубийство: иными словами – после того, как одного упоения своеволием у него не получилось, он замышляет другое, аксиологически уравнивая в правах понятия «жизни», «смерти» и «сладострастия»: «Знаете ли, что вы меня убиваете...» [4. Т. 6. С. 380], – говорит он Авдотье Романовне. Аркадий Иванович, закрыв себя с Дуней в комнате и спрятав ключи, дает ей пистолет в надежде на то, что она, застрелив его, поможет ему свести счеты с жизнью. После первого выстрела Свидригайлова спасает промах, после второго – осечка [4. Т. 6. С. 382]. Удивительно то, что и перед самой смертью все его мысли о неудавшемся: «Дуня стреляет в него: какая, однако ж, она красивая, подумал Свидригайлов» [4. Т. 7. С. 161]. Он словно говорит словами персонажа «Кроткой»: «...на что мне была жизнь после револьвера, поднятого на меня обожаемым мною существом?» [4. Т. 24. С. 21].

Огненная стихия сладострастия Свидригайлова потухает в каком-то ледяном холоде, и это с поразительной силой изображает Достоевский: «В Свидригайлове показано онтологическое перерождение человеческой личности, гибель личности от безудержного сладострастия, перешедшего в безудержный разврат. Свидригайлов принадлежит уже к призрачному царству небытия, в нем есть что-то нечеловеческое. Но начинается разврат всегда со своеволия, с ложного самоутверждения, с замыкания в себе и нежелания знать другого» [2. С. 167]. Так, посредством разврата герой Достоевского пытается самоутвердиться, как бы отдавая свою душу на растерзание своеволию. Есть определенная закономерность в том, что такую логическую цепочку завершает акт самоубийства.

В подготовительных материалах к роману «Преступление и наказание» Достоевский заостряет внимание на том, что своевольный разврат – модель жизни и мира для Аркадия Ивановича, его своеобразное *credo*: «Разврат? В этом разврате, по крайней мере, есть нечто постоянное, угольком в крови пребывающее, вечно прожигающее, которое, может, и долго еще не залить. Ну что ж – разве не занятие? Пикантное. Было бы только разнообразие» [4. Т. 7. С. 200].

Аркадий Иванович обожает комфорт, и поэтому в соответствии с его же логикой не случившееся его убийство Дуней, может рассматриваться в том числе и как попытка *комфортного* способа самоубийства. В романе «Бесы» Петр Верховенский перед самоубийством Алексея Кириллова скажет: «Каждый ищет своего рода комфорта; вот и всё» [4. Т. 10. С. 469]. На что Кириллов произнесет: «Комфорта, говоришь, ты? <...> Нет, ты хорошо сказал; пусть комфорта» [4. Т. 10. С. 469]. В действительности Кириллов в отличие от Свидригайлова не ищет удобного способа сведения счетов с жизнью, для него самоубийство – всего лишь эксперимент, способ, который должен подтвердить атеистическую идею о человекобоге.

Свидригайлов на протяжении значительной части повествования находится во власти навязчивой идеи, продолжая интуитивные поиски комфортного способа самоубийства. В полночь он переходит «<...> через -ков мост по направлению на Петербургскую сторону. Дождь перестал, но шумел ветер. Он начинал дрожать и одну минуту с каким-то особенным любопытством и даже с вопросом посмотрел на черную воду Малой Невы. Но скоро ему показалось очень холодно стоять над водой (т. е. не комфортно. – Ч.Г.): он повернулся и пошел на -ой проспект» [4. Т. 6. С. 388]. Однако чуть позже Свидригайлов поймает себя на абсурдности, странности самой мысли о комфорте перед шагом, ставящим крест на самой жизни: «...ведь вот, кажется, теперь бы должно быть все равно насчет всей этой эстетики и комфорта, а тут-то именно и разборчив стал, точно зверь, который непременно место себе выбирает...» [4. Т. 6. С. 389]. Еще в одном эпизоде Свидригайлов иронизирует над своей тягой к комфорту: «Ну, а в Америку собираться да дождя бояться, хе-хе!» [4. Т. 6. С. 384].

Любопытно понимание свободы Свидригайловым в тех же подготовительных материалах к роману: «Теперь мы проистлеваемся, не стесняемся обязанностями, нас бьют по роже, и мы прячемся, исподлились – ведь это свободнее. Нигилизм в своем роде. – Нигилизма ведь два, и обе точки соприкасаются. Можете себе представить, что накануне пули в лоб я откровенно с вами объясняюсь. Ну, а этакое состояние выше, свободнее, хоть и не так счастливо. Вот захотел и застрелился» [4. Т. 7. С. 204]. Как видим, Свидригайлов протестует против трусливой свободной подлости и ставит самоубийство выше подобного унижительного состояния, хотя и понимает всю ущербность такого положения. Отсюда и его скептический взгляд: свободе подлого состояния он противопоставляет своеволие самоубийства, считая такой вид своеволия лучшим выходом из создавшегося положения.

Разумеется, в отношении Свидригайлова о позитивной, созидательной свободе говорить не приходится, поскольку в нем мы встречаемся с колоссальным разрушением личности, т. е.: «Безудержная, безмерная свобода сладострастия делает человека его рабом, лишает свободы духа» [2. С. 144]. Сладострастный персонаж Достоевского обращает нравственную свободу в ее ужасающую противоположность. В итоге, заблудившийся на путях своеволия, Свидригайлов истребляет и свободу, и самого себя.

Вместе с тем в характере этого героя Достоевского очевидны и вызывают сострадание его глубокое одиночество и раздвоенность натуры. Персонаж-сладострастник писателя оказывается способным на романтическое благородство, рождающееся в нем в момент кризиса (перед смертью Свидригайлов, как известно, заботится о незнакомой ему девочке-сироте и устраивает ее судьбу). Непосредственно перед самоубийством он видит во сне лежащую в гробу девочку-утопленницу, причиной самоубийства которой был он [4. Т. 6. С. 391]. Подобная двойственность характерна для всей структуры образа Свидригайлова. И всё же саму смерть Свидригайлова, как, впрочем, и его жизнь, нельзя назвать романтическими: «это – самая ужасная, но и самая обыкновенная петербургская смерть – содержание полицейского протокола, мелкий шрифт петербургского листка» [5. С. 127].

Возвращаясь к подготовительным материалам романа, отметим, что в них Аркадий Иванович видит гипотетический смысл жизни в социалистической идее, но поскольку смысла нет, то и жить незачем: «Если б я был социалист, ну, конечно, остался бы жить. Остался бы жить, потому что было б что делать, – нет убежденнее народа, как социалисты» [4. Т. 7. С. 161]. В связи с этим любопытна и даже парадоксальна мысль (в смысле идейного / безыдейного самоубийства) Д. Мережковского о том, что если бы Свидригайлов и Ставрогин из «Бесов» смогли найти в своей жизни что-нибудь, во имя чего несомненно стоило бы отказаться от упоения дерзостью греха, «...они могли бы сделаться девственниками и аскетами до полного отречения от жизни, до самоубийства, подобно Кириллову» [5. С. 541]. С этим суждением вполне соотносимо высказывание Г. Гессе о семействе Карамазовых: «Они истеричны и опасны, они так же легко становятся преступниками, как аскетами, они ни во что не верят, их безумная вера — сомнительность всякой веры» [6. С. 110].

Отметим, что Достоевский обращался к схожей со свидригайловской теме самоубийства и в других своих текстах. Так, в черновых набросках к последнему роману Иван Карамазов, проповедуя идею о «всё позволено» и желая «совершенно уничтожить идею бога», «жить по-карамазовски» [4. Т. 15. С. 228], стоит перед дилеммой – «погрузиться в скотское упоение (сладострастием. – Ч.Г.)» или «истребить себя» [4. Т. 15. С. 229]. И приходит к выводу, что «грязно очень. Лучше сладострастия *«ИСТРЕБИТЬ»* (так выделено Достоевским. – Ч.Г.) себя» [4. Т. 15. С. 229].

Таким образом, тема свободы / своеволия – одна из лейтмотивных религиозно-философских тем, получивших художественное воплощение в творчестве Достоевского. Свобода литературных персонажей Достоевского – это не закон, равный для всех, но своеобразный образ жизни, в котором персонаж сам выбирает для себя тип свободы / своеволия, чем определяет свой путь в сюжетном повествовании.

Для Достоевского негативная свобода неминуемо ведет к рабству у собственной природы и собственных необузданных страстей, зачастую под-

водит героев писателя к трагедии. Писатель показывает, как человеческое своеволие, чем бы оно ни мотивировалось, как бы оно ни осмыслялось и ни переживалось, в конечном счете неизбежно обращается против своевольца.

Персонажи Достоевского, провозгласившие в той или иной форме и под влиянием тех или иных побуждений идею безграничной свободы и потерявшие иерархию высокого и низкого, или возрождаются к иной, новой жизни, как Раскольников, Зосима, Дмитрий Карамазов, или сходят со сцены с явным самоотречением от своего прошлого. Иногда это самоотречение кончается самоубийством (судьбы Свидригайлова, Ставрогина, Смердякова).

При всех сложностях Достоевский не видит формального внешнего разрешения этой проблемы. Для него важна свободная воля, в которой человек может причинить и причиняет вред ближнему своими поступками, тем не менее, нравственное самоосуществление индивида определяется именно его свободой и ничем другим.

Библиографический список

- [1] Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Фридрих. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 5–237.
- [2] Бердяев Н.А. О русских классиках. М.: Высшая школа, 1993. 368 с.
- [3] Мандельштам Н.Я. Вторая книга. М.: Олимп Астрель, 2001. 509 с.
- [4] Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
- [5] Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М.: Республика, 1995. 624 с.
- [6] Гессе Г. Письма по кругу. М.: Прогресс, 1987. 396 с.

References

- [1] Nicshe, F. (1990). Thus spoke Zarathustra. In *Nietzsche Friedrich. Works.* (Vol. 2, pp. 5–237). Moscow: Mysl' Publ. (In Russ.)
- [2] Berdyaev, N.A. (1993). *About Russian classics.* Moscow: Vysshaya shkola Publ. (In Russ.)
- [3] Mandel'shtam, N.YA. (2001). *The second book.* Moscow: Olimp Astrel' Publ. (In Russ.)
- [4] Dostoevskij, F.M. (1972–1990). *Complete works.* Leningrad: Nauka Publ. (In Russ.)
- [5] Merezhkovskij, D.S. (1995). *L. Tolstoy and Dostoevsky. Eternal companions.* Moscow: Respublika Publ. (In Russ.)
- [6] Gesse, G. (1987). *Circle letters.* Moscow: Progress Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Горбачевский Чеслав Антонович, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Южно-Уральского государственного университета. ORCID: 0000-0002-9145-7721; e-mail: cheslavgor@gmail.com

Bio note:

Gorbachevskiy Cheslav Antonovitch, South Ural State University. Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language and Literature. ORCID: 0000-0002-9145-7721; e-mail: cheslavgor@gmail.com